

Митрополит Иларион: Диалог между Церковью и профессиональными реставраторами принес добрые плоды

14 июня 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал главный искусствовед научно-реставрационного управления Министерства культуры РФ Владимир Сарабьянов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о реставрации памятников историко-культурного наследия, которые находятся в собственности Церкви или передаются в ее собственность. У меня в гостях – главный искусствовед научно-реставрационного управления Министерства культуры Владимир Сарабьянов. Здравствуйте, Владимир Дмитриевич!

В. Сарабьянов: Здравствуйте, Владыка! В нашей стране уже много лет идет активный процесс возвращения Русской Православной Церкви тех храмов, которые в свое время у нее были отобраны и превращены иногда в музеи, иногда в склады и так далее. Этот процесс – достаточно сложный, потому что за это время многие храмы пришли в ужасающее состояние: они разрушены либо полностью, либо частично. Поэтому приступить к совершению в них богослужений довольно сложно. Это создает массу проблем, связанных с реставрацией. Конечно, как всегда у нас в стране, на тотальную реставрацию всех памятников не хватает финансов.

Когда этот процесс только начался, многим казалось, что все проблемы будут решены быстро и легко. Отдайте нам – и все будет в порядке. Но прошло несколько лет, и появился ряд примеров отрицательного опыта такого шапкозакидательского подхода. И на сегодняшний день сформулировалась общая позиция и Церкви, и реставрационного сообщества, и Министерства культуры по постепенной передаче этих храмов с предварительной их реставрацией. Ведь надо понимать, что Церковь сейчас просто не имеет таких средств, чтобы осуществить полноценную, правильную реставрацию памятников. Именно об этом и хотелось бы сегодня поговорить.

Митрополит Иларион: Прежде всего, я хотел бы сказать, что мы приветствуем передачу Церкви тех объектов, которые ей должны принадлежать по праву, – то есть того, что она созидала и сохраняла на протяжении веков. Именно Церковь сохраняла те храмы, те монастыри, те иконы,

которые дошли до нас, и именно государство на протяжении многих десятилетий их разрушало. Мы помним, что в советское время шло два параллельных процесса: с одной стороны, множество храмов было уничтожено, множество икон было порублено, сожжено или вывезено за рубеж. С другой стороны, у государства была политика сохранения некоторого количества культурных ценностей – древние храмы стали восстанавливать, иконы стали реставрировать и размещать в музеях.

Когда в 90-е годы началось возвращение храмов, Церковь столкнулась с большими сложностями. Не хватало не только денег, но и навыков для качественной реставрации, которая необходима, чтобы не просто в короткий срок приспособить храм для богослужения, но и сохранить фрески, создать правильный температурный режим – то есть сделать так, чтобы здание не погибло. Конечно, в этот период были допущены определенные ошибки. Но диалог между Церковью и сообществом профессиональных реставраторов, который начался тогда и продолжается сейчас, принес очень хорошие плоды.

В. Сарабьянов: Опираясь на свой достаточно солидный опыт, я могу сказать, что ситуация меняется в положительную сторону. Это очень отрадно, потому что в 90-е годы казалось, что все погибнет: со стороны Церкви проявлялось нетерпение, а со стороны Министерства культуры и структур по охране памятников – полная растерянность и бессилие. Но в последние годы я вижу, что у служителей Церкви – в том числе простых священников и монашествующих – растет понимание важности этой проблемы. Яркий тому пример – Снетогорский монастырь, один из самых крупных и замечательных центров духовной жизни Пскова. Я занимался там реставрацией фресок XIV века. Поначалу все казалось бесперспективным. Но прошло несколько лет. Насельники монастыря видели, как мы работаем, что мы делаем, какой это кропотливый труд, что он не может делаться быстро. И сейчас мы прекрасно взаимодействуем как с церковной администрацией, так и с областной администрацией, которая заняла взвешенную и правильную позицию по соединению двух начал – Церкви и нашего общества. Через несколько лет мы готовим памятник к полной сдаче. Этот пример показателен в том плане, что древние храмы очень трудны для совершения богослужений. Они требуют соблюдения множества условий режима, который не всегда стыкуется с режимом богослужений. Но если сесть за стол переговоров, создать согласительную комиссию, объяснить, что это не прихоть, а необходимость для сохранения святыни, то все стороны начнут понимать друг друга.

Митрополит Иларион: Эти храмы создавались для того, чтобы в них совершались богослужения. И богослужение не может создать такой режим, который будет для храма вреден, – богослужение для храма полезно. Причина того, что некоторые храмы пришли в ужасное состояние заключается как раз в том, что в них богослужение не совершалось. Либо они использовались не по назначению, либо вообще никак не использовались – за ними никто не смотрел.

Участие профессионального реставраторского сообщества очень важно потому, что каждое церковное здание требует профессионального ухода и профессионального подхода. Если говорить о реставрации стен, фундаментов, тем более о реставрации живописи, то здесь никак не обойтись без профессионалов. Тот уровень взаимодействия между Церковью и профессиональным сообществом, который достигнут сегодня, достаточно высок.

Я привел бы в пример программу реставрации исторических храмов и исторических зданий, которая действует в Москве по решению мэра Сергея Семеновича Собянина. В рамках этой программы столичные власти, по представлению Москомнаследия, выделяют субсидии на реставрацию храмов. Субсидию получает религиозная организация, то есть тот приход, который в данном храме базируется. Но эта субсидия никогда не покрывает всех расходов – приход обязательно должен сам собрать какую-то сумму. Реставрация происходит таким образом, что соответствующие органы осуществляют надзор за ее качеством, но Церковь тоже в этом участвует. Церковь может выбрать подрядчика, выбрать тех людей, с которыми она будет сотрудничать. И в итоге получается качественная реставрация, которая устраивает всех.

В. Сарабьянов: В столице уже много таких примеров. Но Москва – это привилегированный город – здесь много денег. Однако если мы углубимся в провинцию, то увидим, что там ситуация с финансированием бывает очень тяжелая. Министерство культуры по-прежнему остается на остаточных паях в нашем бюджете. А уж до реставрации доходят деньги совсем не те, которые требуются. У нас бывают очень масштабные программы по реставрации, связанные с юбилеями. Сейчас выделены гигантские средства на Троице-Сергиеву Лавру в связи с юбилеем преподобного Сергия. Но если отойти немножечко в сторону от трассы, то мы увидим бесконечное число сельских церквей, которые находятся в плохом, а иногда и в ужасающем состоянии даже в Подмосковье. А среди них есть и шедевры, которые гибнут.

Один из трех памятников, достоверно принадлежащих кисти преподобного Андрея Рублева, – это росписи Успенского собора во Владимире, датируемые 1408 годом. И эти фрески гибнут на наших глазах по причине «богослужебных нагрузок». В соборе постоянно идут богослужения: свечи, копоть. А это самая страшная беда для фресок. И решить этот вопрос можно очень просто: немножечко ограничить богослужение. Такие вопросы надо решать коллегиально.

Митрополит Иларион: Или закупить другие свечи. Ведь свечи очень по-разному коптят, по-разному капают и по-разному портят окружающую среду. Я как архиерей использую при богослужении дикирий и трикирий. Поясню для телезрителей, что это два подсвечника: в один вставляются две свечи, в другой – три. После многих лет поисков мне удалось найти – не у нас, а в Македонии – восковые свечи, которые, во-первых, не капают, а, во-вторых, не коптят. Я думаю,

что даже такие простые вещи способны значительно улучшить экологическую ситуацию, в которой находятся фрески. Кроме того, у нас есть примеры, когда Владимирская икона Божией Матери находится в храме, но она защищена таким ковчегом, в котором поддерживается необходимый для ее сохранности температурный режим.

В. Сарабьянов: Рублевские фрески не закроешь стеклянным колпаком. Что касается свечей, то, когда на подсвечнике горит одна свеча, то это одно дело, но когда приходит группа паломников и каждый из них на этот же подсвечник ставит еще тридцать, то этим свечам, какие бы они ни были качественные, просто не хватает вокруг кислорода, и они все начинают коптить. К сожалению, это закон физики.

Митрополит Иларион: В таком случае можно, наверное, договориться, чтобы свечи ставились в притворе, а в самом храме ставилось ограниченное количество свечей.

В. Сарабьянов: Такие вопросы надо решать коллегиальным способом – при участии всех заинтересованных сторон. Надо, чтобы эти стороны понимали, что никто друг друга не обманывает, а речь идет о заботе, о сохранении наших святынь.

Митрополит Иларион: По крайней мере, в Москве такие вопросы решаются. Решаются коллегиально и, на мой взгляд, очень успешно. Приведу в пример комплекс Черниговского Патриаршего подворья, который находится в Черниговском переулке, соединяющем две древние московские улицы – Пятницкую и Ордынку, по которой в свое время ездили в Золотую Орду. Несколько лет назад комплекс Черниговского подворья по решению Святейшего Патриарха был передан Общецерковной аспирантуре – учебному заведению, которое я возглавляю. Когда я пришел туда в первый раз, чтобы осмотреть храмы и прилегающую территорию, мне трудно было поверить, что я нахожусь в Москве в пяти минутах ходьбы от Кремля, – территория за храмом святых Михаила и Феодора Черниговских представляла собой заросший бурьяном пустырь. Удивительно, что в самом центре Москвы до сих пор сохраняются такие места. Мы начали реставрацию этого объекта: создали наблюдательный совет под председательством Святейшего Патриарха, вступили в контакт с Москомнаследием. Сейчас этот объект постепенно реставрируется. Но это работа кропотливая, очень дорогостоящая. Она будет иметь успех только в том случае, если все стороны будут друг с другом сотрудничать, как оно сейчас, слава Богу, и происходит.

В. Сарабьянов: Нужно чтобы то, о чем Вы говорили, дошло до сознания всех, кому дорога древнерусская культура – не только как культура, но и как воплощенная вера русского народа. Привести это все в порядок можно только постепенно, достаточно медленно – не стоит торопиться. Надо, чтобы это делали специалисты, а не люди, приглашенные с улицы, и тогда все

будет хорошо. Для меня этот пустырь, о котором Вы говорили, – кровоточащая рана – ведь совсем неподалеку, на Кадашевской набережной, находится наша мастерская. Я каждый день хожу мимо вашего подворья. И мне очень радостно, что там начались реставрационные работы.

Митрополит Иларион: Коль скоро мы коснулись автобиографической темы, я хочу выразить особенную радость в связи с тем, что традиция, которая была заложена еще Вашим отцом – автором замечательных книг по искусствоведению, – сегодня сохраняется и продолжается в Вашей работе по сохранению памятников культурного наследия. И я бы хотел Вам пожелать больших успехов в этой работе.

Служба коммуникации ОБЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51380/>